

83
Д38

Детская Литература

ЖУРНАЛ
О ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
И ИСКУССТВЕ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

№ 5-6 2002

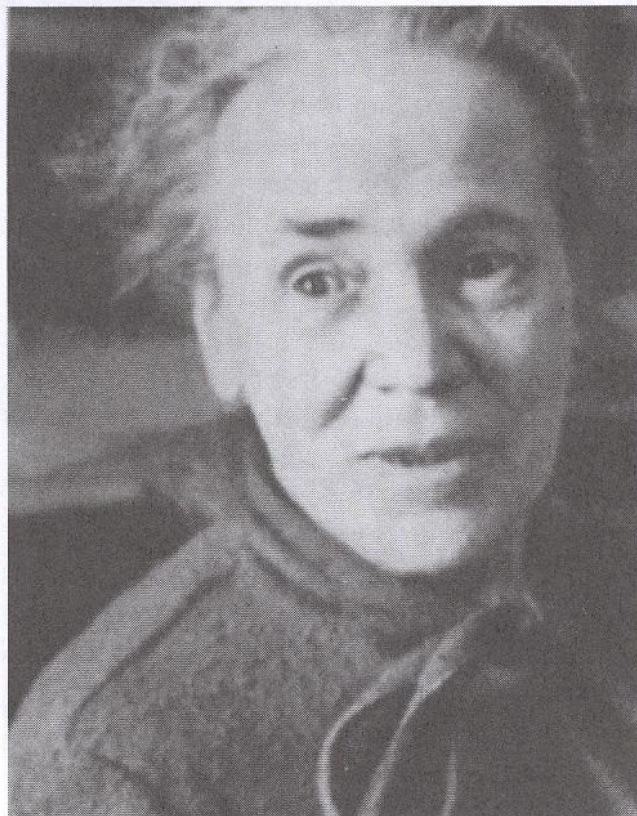
Лидия КУДРЯВЦЕВА

МУЗА МАВРИНОЙ

О Татьяне Алексеевне Мавриной писало много известных людей: искусствоведы, художники, литераторы — Грабарь, Сидоров, Н. Дмитриева, А. Пистунова, А. Каменский, Бисти, Турков, Дорош, Ю. Коваль... Слова их были не только профессиональными, с глубоким пониманием сущности таланта Мавриной, но и проникновенными, благодарственными. Ее творчество, ее личность вызывают особое чувство — подъема, восхищения. Теперь совершенно очевидно, что она принадлежит к лучшим художникам XX века, но ее истинное открытие еще впереди. Сегодня время иных, массовых ценностей, к которым Маврина не имеет отношения, как, впрочем, все подлинное.

Пора по крупницам собирать все с ней связанное, чтобы создался объемный образ этой уникальной женщины-художника. Вот что сохранила моя память.

Татьяна Алексеевна Маврина — невысокая, с живыми, быстрыми движениями и

Татьяна Алексеевна Маврина

походкой, чуть картавящей речью, всегда на каблуках, на пальце перстень с большим камнем, аккуратно забранные в пучок седые волосы. Она ловко движется между высокими пачками бумаг, занимающих собой едва

Лидия Степановна Кудрявцева — член редколлегии журнала «Детская литература», известный искусствовед, член Союза журналистов и Союза художников России, Заслуженный работник культуры РФ. В журнале «ДЛ» — со дня его возобновления в августе 1965 года — Лидия Кудрявцева работала заведующей отделом искусства. Вела рубрики «Художник и книга», «Детский театр», «Кино», «Радио и ТВ». Главной ее темой всегда была иллюстрация в книге для детей. Она сплотила вокруг журнала ведущих искусствоведов и художников детской книги. Кроме собственных публикаций в журнале «Детская литература» и в другой периодике, Л. С. Кудрявцева стала автором многих книг о художниках. Она написала о Ю. Васнецове, Т. Мавриной, Е. Чарушине, о В. и А. Васнецовых, Поленове, о портретах Пушкина. В 1998 году вышел ее итоговый труд «Художники детской книги», написанный в живой, образной форме, а в 2001 — альбом «Виктор Васнецов». Сейчас Л. Кудрявцева заканчивает работу над рукописью «Аполлинарий Васнецов — художник древней Москвы».

ли не всю комнату. В этих пачках альбомы с рисунками и акварелями; им давно уже не хватает места, и они образуют узкие проходы. Но хозяйку это мало беспокоит. У нее все на свой лад.

Комната не похожа ни на одну комнату в мире — она оклеена золотой и серебряной бумагой — цвета солнца и звезд, одну стену занимают иконы несказанной красоты, исключительная коллекция (о ней у Татьяны Алексеевны была замечательная статья); на других — ее собственные живописные работы, под потолком висит резная корабельная доска, как произведение народного искусства; на комодике стеклянные бутылки и банки с засушенными цветами; бутылки ею самой расписаны; за стеклом небольшого шкафа всевозможные глиняные изделия — результат разнообразных путешествий по Волге, по Северу России; в другом углу стоит деревянная кукла в рост человека, одетая в старинный русский наряд, — кажется, эта модель принадлежала когда-то художнику Федотову; на уютном диванчике, обитом пестрым сатином, как и на столе, стопками лежат книги, журналы... Словом, эта комната как своеобразная карта, по которой читается жизнь художника. (Сей-

час часть комнаты Мавриной и Кузьмина образуют мемориал в Музее А.С. Пушкина на Пречистенке.)

А вот ее день: в светлые часы дня она рисовала: это и книжные иллюстрации, и то, что для себя, с натуры, по впечатлениям. Она рисовала каждый день. Когда стемнеет, тогда можно было читать, слушать музыку, говорить по телефону, принимать гостей. Читала она не меньше, чем работала — Маврина была в курсе всех художествен-

ных и литературных новостей, она выписывала и толстые, и тонкие журналы, читала там не все, а выборочно, что ее заинтересовало. А то и бросала читать, если находила какую-нибудь ошибку. Так, как-то я похвалила одного критика, а она сказала, что в журнале "Русский язык" он написал слово "довлеет" с предлогом "над", и его больше читать не будет: если пишет с ошибками, ничего путного не жди.

Гулять она старалась тоже каждый день — со своим мужем Николаем Васильевичем Кузьминым, выдающимся иллюстратором “Евгения Онегина”, Лескова, Лермонтова и другой русской классики, а поздно вечером вместе с ним слушала классическую музыку из плохонького радиоприемничка, у которого, однако, были соответствующие волны. Все впечатления дня она заносила в дневник. Это очень много общих тетрадей. Я их видела, а одну из них мне дала домой Анимаиса Владимировна Миронова, душеприказчица Татьяны Алексеевны. На правой стороне листа — записи: что видела во время прогулки, каких, к примеру, птиц, какая была погода, кого встретила, кто заходил, о чем говорили, над чем работала. Простые житейские вещи. А с левой стороны цитаты из прочитанного — тут такое разнообразие тем, идей, мыслей, точек зрения. Тут и поэзия и проза. Тут и Гете, и Шиллер, и Пушкин, русские народные песни, история. Все сугубо для себя, нет и желания быть в будущем изданной. Почерком написано своеобразным — рисунчатые буквы, похожие на старое русское письмо.

Почерк хорошо знакомый — им Маврина делала надписи на рисунках, писала деловые и поздравительные письма, обязательно сопровождая их каким-нибудь ри-

Татьяна Алексеевна Маврина и
Николай Васильевич Кузьмин

сунком белочки или дятла, увиденных ею на прогулках. Прогулки у нее особенные, не только ради отдыха и свежего воздуха, а для наблюдений. “На поглядение” она ездила каждую субботу или воскресенье в любую погоду на автомобиле за город, это были дальние поездки, особенно с дачи в Абрамцево — добирались аж до истока Волги: весной наблюдать за прилетом птиц, за появившимися из-под снега цветами, осенью — птичий отлет, краски природы, да много всего, что проходит мимо обыкновенного горожанина. Маршрут составлялся заранее.

И опять зарисовки, заметки в тетрадях, рисунки в альбомах. Сколько же их накопилось за целую жизнь, длиной в двадцатый век! Многое пошло в дело, было издано.

Татьяна Алексеевна была закрытым человеком, рассказывать о себе не очень-то любила. Свое, личное она доверяла дневнику, рисункам. Даже от Николая Васильевича у нее была собственная жизнь. Однажды я была свидетелем такого забавного разговора. Я сказала, что издали постеры с иллюстрациями Билибина. Маврина видела это издание. — «Татьяна Алексеевна, — говорит Николай Васильевич, — что ж ты мне не показала?» — «А я думала, это тебе неинтересно». — «Как же так, все-таки Иван Яковлевич был моим учителем».

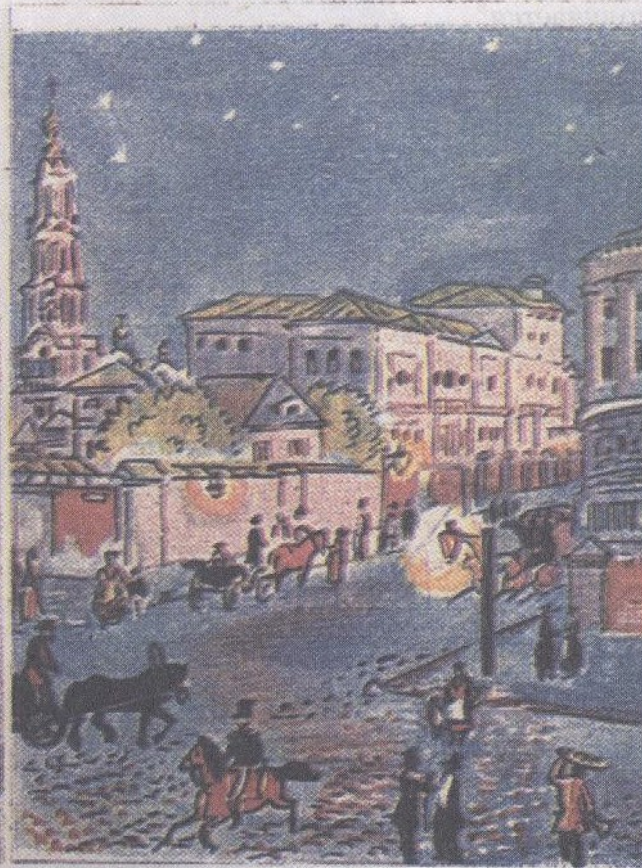
Я вспоминаю, как мы были приняты первый раз в этом доме. Тогда, в 1966 году, только что открылся заново журнал «Детская литература», и вместе с художником Валерием Дмитриюком мы отправились отбирать для публикации иллюстрации Мавриной к статье Александры Пистуновой. Нас встретили очень радушно, приветливо. Охотно показывали работы. Николай Васильевич провел в свою комнату, совсем не похожую на комнату Татьяны Алексеевны. Там за конторкой с покатою крышкой он стоял работал в окружении своей коллекции — старинных фотографий. С одной из них — портретом Тургенева — мы все вместе сфотографировались.

В середине 80-х в издательстве «Книга» мне предложили подготовить издание, посвященное Мавриной — художнику книги и художнику слова. Заманчивое предложение. Я рассказала об этом Татьяне Алексеевне со всеми подробностями: мое предисловие, ее иллюстрации, обложки книг, опубликованные, а главное — неопубликованные статьи, которых у нее накопилось немало — о путешествиях по старым русским городам, наблюдения, воспоминания о детстве и юности. Согласие Мавриной на все это было очень важно. Писала она замечательно, у нее был особый дар слова. Татьяна Алексеевна вначале поупрямилась, сказала, что сейчас ее интересует только живопись, на остальное нет времени. Но когда согласилась, сразу перешла к делу — какой объем, формат, какая бумага. Как раз всего этого в издательстве еще не знали, проект был только намечен. Я попросила редактора Ирину Чернович позвонить Мавриной и сказать ей что-то определенное. Но объяснения Ирины Татьяну Алексеевну не удовлетворили. Тем не менее я уговорила ее собрать все рукописи и отпечатать их в 3-х экземплярах, а также подобрать книги, которые она иллюстрировала, начиная с юности.

Я приходила к вечеру (это были очень жаркие майские и июньские дни) и разбирала книги, лежавшие на нижних книжных полках шкафа, стоящего в передней. Появились тонюсенькие книжечки, отпечатанные литографским способом. Это ее отец А.И. Лебедев, известный просвещенец, в начале 20-х издавал для детей дешевые книжки русских народных сказок, а дочь иллюстрировала. Здесь нет еще будущей Мавриной, хотя интерес к цвету заметен. (Кстати отмечу: Маврина — фамилия матери, очень подошедшая Татьяне Алексеевне.) Нахожу книги издательства «Academia» с ее великолепными черно-белыми рисунками к Анатолю Франсу, Золя и, конечно, множество детских цветных книг за все последующие годы. Татьяна Алексеевна складывала их на небольшой старинный диванчик, стоящий у стенки, туда же ложились и рукописи. Она скрепляла их булавками, как портниха платье. Придумала Маврина и обложку. На белом почти квадратном листе она вывела кистью, черной краской: «Книги Т. Мавриной».

Татьяна Алексеевна рассказывала, что в тридцатые и послевоенные сороковые годы власти «прижали» ее «за формализм», «крепко доставалось». «Меня печатали втихую второстепенные издательства. Меня приютит Росгизместпром, редактор Е.И. Гроздева

Художник Татьяна Маврина. Альбом "Москва в прошлом и настоящем". М., 1947

меня воскресила, а то совсем затюкали. Но я работала не над тем, что сама хотела, а над тем, что предлагали. Потом стало легче". Но в Детгизе ее не признавал главный худож-

ник Б.А. Дехтерев. "Не правилось, что очень декоративно, отказывался подписывать". Полностью свой талант Маврина смогла раскрыть в 60-е годы. Она иллюстрировала

русские народные сказки, сказки Пушкина. К ней пришла подлинная слава. Она получила Государственную премию СССР, но так и осталась лишь Заслуженным художником РСФСР. Работа над “Сказками” Пушкина была счастливым временем: “Я начала делать макет, когда пели соловьи”. Эта связь работы с природой отражена в ее дневниках.

Вечерами мы вели разговоры и о литературе. Своеобразно подходила Татьяна Алексеевна и к художественным произведениям, которые читала. Говорили о Булгакове. Маврина не приняла “Мастера и Маргариту”, потому что “Пилат изображен страдающим, а это был бандит. Его отправили в Иудею, самую грубую местность. У Франса Пилата спрашивают, помнит ли он, что распял Христа, а он не помнит. Вот это правда. А Булгаков развел достоевщину. Ничего не понял. Я бросила читать”. А вот отзыв об Айтматове: “У него о зверях хорошо. Но Сетон-Томпсон писал коротко, ясно. А этот все-таки развозит, развозит. Грубо получается”.

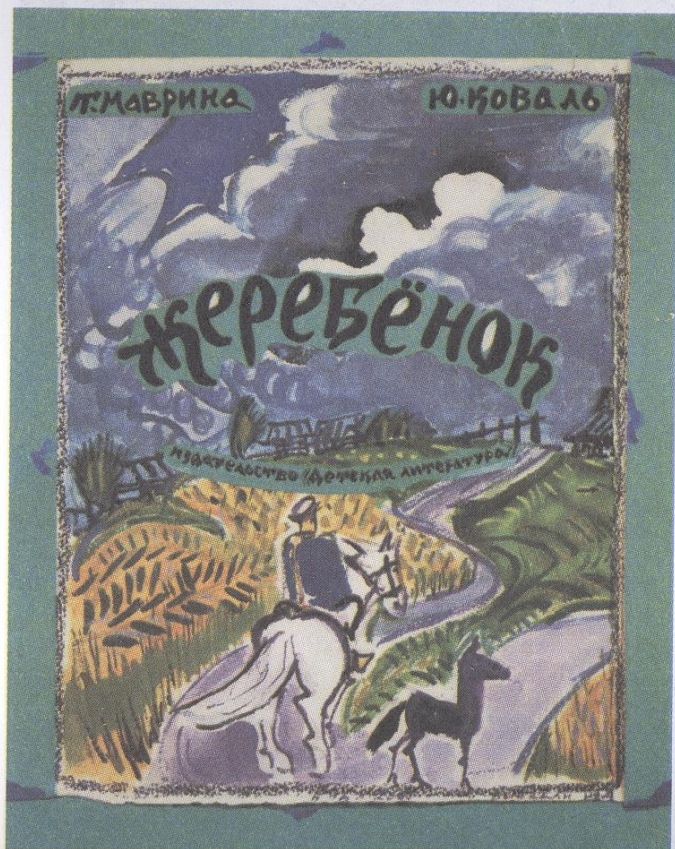
Так шло время, а нас из издательства никто не беспокоил. Перестройка в разгаре. Издательство “Книга”, как и многие другие, прогорает. Сомнения Татьяны Алексеевны оправдались. На ее издание не оказалось средств.

У меня хранится второй экземпляр ее рукописей, много подаренных книг и писем. Это бесценные сокровища.

Сейчас не время книг Мавриной, их нет на прилавках, их заменяет нечто грубое, сработанное под посредственную западную книгу и, к сожалению, мы начинаем к этому привыкать. Собственно зрители, как всегда, делятся на восторженных почитателей Мавриной и тех, кто не принимает ее искусство, тесно связанное с древнерусским и народным, которые надо понимать и любить. Когда Маврина увидела городецкую роспись, она воскликнула: “Ставь рядом с Матиссом — не пропадет”. (Французская живопись конца XIX и начала XX века — ее второй учитель.) Она добилась замечательного издания “Городецкой живописи”, написав для альбома глубокое исследование.

Влияние городецкой живописи сказалось и на ее станковых работах. Из них вышла чудесная серия книг в союзе с писателем Юрием Ковалем. Для изданий отбирались определенные рисунки Мавриной, а Коваль их аранжировал. Так появились в издательстве “Детская литература” “Стеклянный пруд”, а следом за ним “Журавли”, “Заячьи тропы”, “Снег”, “Жеребенок”, “Бабочки”: названия говорят сами за себя. Я попросила Ковалья написать для журнала “Детская литература” о работе с художником. Коваль это сделал с большим удовольствием. Несмотря на всю условность композиций, их декоративность, Маврина не отходила от реальности. Вот, что, например, пишет Коваль: “В редком по красоте пейзаже “Суздаль ночью” слева от церкви Маврина изобразила три звезды. Угол наклона, расстояние между звездами и их яркость — все говорило о том, что это “Пояс Ориона”. Писателю показалась странной такая конкретность, такая точность при общей условности, декоративности. “Я даже подумал, что сходство с Орионом — случайность, и спросил Татьяну Алексеевну, что это за звезды”. — “Созвездие Ориона. А в правом верхнем углу — Дракон”. Так художница создала свою собственную условность, в которой свобода и раскрепощенность легко соединяются с высокой точностью.

“Когда Маврина прочла рассказ “Березы”, она сказала: “Это варварство”. — “Как

Художник Татьяна Маврина. А.С. Пушкин. Сказка о золотом петушке. М., "Малыш", 1971

то есть?” — “Варварство: пить березовый сок, губить деревья”. — “В рассказе об этом ни слова”. — “Да ведь тут написано: “Слаще становится березовый сок”. Тут и захочется его попробовать”.

Я вычеркнул “березовый сок” и поклялся больше никогда в жизни его не пить”.

В Музее личных коллекций лет пять назад была посмертная выставка Мавриной, где показывались ее прекрасные картины 30-х годов, в основном это обнаженные женские фигуры, и пейзажи и натюрморты последних лет, которые девяностолетняя художница писала из окна своей комнаты. Это было колоссальное явление. Цветовая сила рисунков, напор красного, синего, желтого, зеленого, живущих в полной гармонии, был поразителен. Стихия цвета подчинялась руке мастера, создавала настроение приподнятости, некоей уверенности в жизни. Тут я вспомнила, как Татьяна Алексеевна показала мне рисунок собора хотьковского монастыря. Я охнула: столько в этом черно-розовом могучем Покровском соборе было силы. “Выживем, Татьяна Алексеевна?” — спросила. “Выживем”,

— был ответ. Этот ответ слышится и в ее работах 90-х годов.

У нее был свой Пушкин, муза которого — кот ученый. Изумителен двойной профильный портрет — Пушкин и кот. Была своя Москва, насыщенная храмами, — она рисовала их тайком во время войны. Были своя русская провинция, свой Городец, прославленный ею, своя природа, своя Россия, свой мощный волжский характер. Получать международную премию — Золотую медаль Х.К. Андерсена (самую высокую в мире) за вклад в молодежную книгу — она ездила в Афины. Это была ее единственная поездка за границу. Она не увидела “своей Греции”. Современный город не произвел на нее впечатления, ничто не напоминало гомеровское время, даже море. Она рассказывала мне, что старалась не выходить из номера, рисовала букет, стоявший на окне напротив, и абрис древних гор.

Цветаева когда-то писала, что триединство ее души — “лилия, лебедь, лира”. Маврина: “Пусть моей музой будет птица, береза, конь”, “все видеть: небо, дерево, людей, птиц. Пусть весенний ветер гудит цыганщиной — слышишь, разумеешь?”

Татьяна МАВРИНА

МОЯ БИОГРАФИЯ

Я могу разделить свою долгую жизнь на три жизни, очень различные.

Первая жизнь: Нижний Новгород, от рождения до ВХУТЕМАСа.

Город стоит на Оке и Волге, на крутых Дятловых горах — название междуречья сохранилось, наверное, с языческих времен. География фантастическая от гор, рек, болот, оврагов, лесов, всяких легенд, старых городов вокруг: Суздаль, Владимир, Юрьев Польской, Муром, Городец, а там живописные народные промыслы — городецкие, семеновские, хохломские, палехские, мстерские.

Система воспитания детей была на фольклоре, да еще обучали музыке в интеллигентных семьях и языкам, французскому или немецкому, да еще правилам поведения в жизни, диктуемым, видимо, климатом с частыми дождями, ветрами, ледоходами больших рек, плаванием по этим рекам, плутанием по лесам, болотам. Много чтения, много мыслей, много всего кругом... Так это “много” осталось и дальше, до последних лет: много книг, много рисунков, много папок, много оказалось и живописи. Живопись — вторая жизнь. С 1921 года, после скитаний с семьей по разным городам.

Вторая жизнь: Москва, ВХУТЕМАС, живопись.

В годы революции, в нетопленной библиотеке города Симбирска, где все сидели в шубах, — я прочитала книжку об импрессионистах Юлиуса Мэйера Графе. Там меня особенно ошеломило место про Эдуарда Мане. Он написал просто пучок спаржи, и это была картина! Такое открытие поразило своей неожиданностью, смелостью, — этого

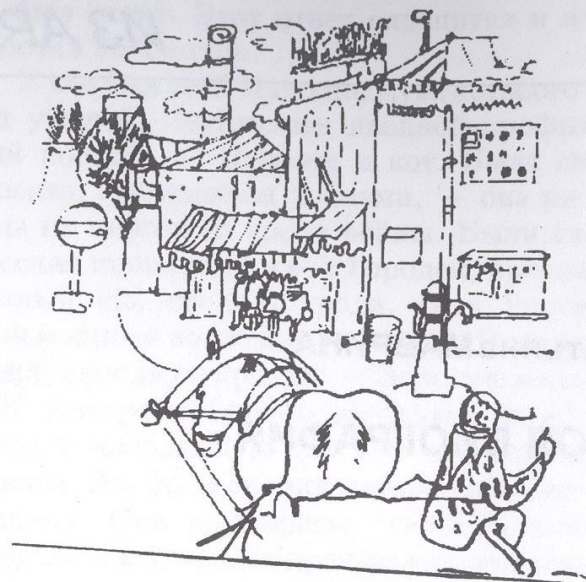
Художник Татьяна Маврина
Автопортрет. Акварель. 1939

мало. Показалось просто сверхъестественным после альбомов, журналов по искусству всех времен и народов, включая и “Аполлон” и “Мир искусства”, которые я везде разглядывала с жадностью юности. Пучок спаржи — картина! Это ли не чудно, не заманчиво! Но где можно попробовать сделать что-либо подобное, когда мы переезжали эти годы из города в город? “Спаржа” нашла себе отклик лишь в 20-е годы, в Москве.

Поразительно было все в 21-м году в Москве. После сорокаградусных сарапульских морозов, недели пути в теплушке, мы приехали в Москву. По мокрым улицам дошли до Сухаревской площади, где помещался “Диапозитивный подотдел Фото-кино-отдела”. Там нас ждал отец. Сухарева башня Петровских времен, увесистая и грубоватая “готика” в окружении рынка-толкучки. Многолюдие, обилие красивых лиц, шум

торговцев. Как и на какие деньги они торговали — не понять. Жизнь была в том году “бесплатная”. Главное, бесплатным был проезд на трамвайчике № 17, что шел под Сухаревой башней через всю Москву до Новодевичьего монастыря. Можно было доехать на нем, вися на подножке, до знаменитого “Пашковского дома”, где помещалась, как и по сей день, публичная библиотека, а в ней были свет, и тепло, и вода в кранах, кроме книг, великолепных лестниц и высоченных дверей. Можно было проводить там целый день, пока зима в доме № 6 на Сухаревке, где мы жили, где не топлено и водопровод замерз. А летом можно было ехать на трамвае и еще дальше, до Москвы-реки — и купаться. Так что жизнь около Сухаревой башни была по тем временам отменная. К 25 году, когда я рисовала Сухареву башню с трамвайчиками, толпой, с кой-как разбитым садиком по бокам, толкучки-торговли уже не было...

Первые годы во ВХУТЕМАСе еще не очень пленяли. Сохранился дневничок тех лет: “1921 г. 5 марта. Первый раз пришла в мастерские (на Мясницкой ул., подготовительный класс). Решила учиться, нельзя сказать, чтобы мне понравилось. Было похоже на гимназию. Мальчишки жгли порох на печке, перекорялись и гримасничали. Рисовали бутылки с цветами и горшки. Любовь Попова мне улыбнулась и слегка кивнула головой. Мы ведь с ней немного знакомы... Я рисовала несколько дней Венере Милосскую. Но уже с третьего раза стало скучно. Я была одна и больше наблю-

дала. На меня рисовали карикатуры, но, впрочем, мало обращали внимания. 10 марта пришел Крымов...” На этом закончу цитировать желтые листочки дневника о первых днях. Они скоро сменились безоглядным увлечением живописью. Я забыла и Блока, и Гумилева, и все прочитанное, передуманное: от Генри Джорджа до Волынского и Мережковского, Мутера.

Все променяла на фантастический вуз, ВХУТЕМАС, где преподавали, но ничему не учили, говорили: “Пишите, а там видно будет”. А писать было так интересно, что, придя домой, мысленно говорила: “Скорее бы настало завтра, можно будет пойти в мастерскую и писать начатое вчера”.

Учились, главным образом, в двух галереях французских художников: в Щукинской и Морозовской. Счастливые годы!..

Я училась в мастерских ВХУТЕМАСа еще на Мясницкой улице и поражалась каждый день разительным контрастам — рыцарских лат и гипсов на лестнице на фоне золотых фигурных куполов с большими узорными крестами, занимавшими весь вид из больших окон. Так близко стояла маленькая церковка Флора и Лавра.

В 1922 году я не вспоминала “Грабаря”, увлеченная живописью. А вот в войну, — назову те времена уже третьей жизнью, — проехав раз по Сретенке на автобусе, увидела за домами собор XVII века — такой же, как в книжках Грабаря.

Я увидела всю вековую его красоту. И она может погибнуть от бомбежек! Надо зарисовать, пока стоит целая.

Колокольня, на которой когда-то звонили “Сердце красавицы”, уже не существова-

ла... Но я нашла такие шатровые колокольни в других местах большой Москвы.

Буду рисовать все, что осталось от “сорока сороков” — пока не погибло. Я ходила по Москве — из улицы в улицу, по всем переулкам, площадям: рисовала незаметно, иногда в кармане пальто, иногда заходя в чужие подъезды; запоминала, чтобы дома уже написать красками на небольших листиках серо-голубой бумаги, на которой хорошо ложилась акварель и гуашь. Хорошо, что ее было вдосталь.

Я так натренировала свою память, что она запоминала даже все затейливые узоры Василия Блаженного. Его узорчатая пестрота, “огород чудовищных овощей”, по словам историка Мутера, с детства еще поразившая воображение по “Грабарю”, стала потом камертоном к русским сказкам.

В пятидесятых годах земля и небо стали темой пейзажей и книжек. Пленяли дороги — в голубых глазах по весне, когда небо из звуков и грачиных крыльев стекает на розовеющие деревья. Дни прилета и отлета грачей — каждый год самые приметные. Очень шумные весной, тревожные — осенью. Живые графические узоры на небе. А дорога сама, как живая, бежит — “мелкие ручейки — бродом брела, глубокие реки — пльвом плыла, широкие озера — кругом обошла”. Это из сказок...

С 1921 года Москва стала моей второй родиной, но детство на двух больших реках: кручи, дожди, просторы — на всех пейзажах сейчас оставляют свой след. Глаза до сих пор не могут по весне насытиться ростом всего, “большой водой”.

Вот дожили до розовых тропок, до первой грозы... цветут вишни... И триста лет тому назад были розовые тропки. И по

Татьяна Маврина в 1916 году

розовым тропкам шла сказочная Аленушка с братцем Иванушкой.

Не одно любопытство и любованье тянет глаз к историческим памятникам. Проверишь свой вкус на народном творчестве, увеличишь количество лет, прожитых на земле за счет бывшего когда-то. Поймешь, чем жили до нас, и примешься за “сказки”.

В моем далеком детстве зимой на Крещенскую ярмарку в Нижний Новгород из-за Волги привозили игрушки: самые для нас интересные семеновские и городецкие, на

Нижнем базаре всегда в крещенский мороз выпряженные лошаденки в белых иголках инея. Развал игрушек на рогожах — глаза разбегаются. Можно выбирать, пока не оконченеешь: кони, барыньки, упряжки, бирюльки, ложки, желтые мельницы... пестро, красно кругом...

Основательное мое знакомство с удивительной меткостью талантов кустарей-игрушечников произошло на выставке "Народная игрушка", устроенной в Москве на Кузнецком мосту в 1960 году. Свезли туда "гостей со всех областей", было на что полюбоваться! Собрала и я дома в своем шкафу много народных игрушек. А в 1971 году, наконец, открылся в Загорске музей народной игрушки, в большом светлом доме. Вытащили из сундуков все свои фонды — целое море нарядных, чудных, завлекательных фигурок! Потонуть можно было в этом изобилии! Наглядевшись, нарисовавшись вдосталь, я вышла на улицу. Игрушки застряли в моих глазах и стали преспокойно жить среди сегодняшних людей в Загорске: барыни, всадники, медведи. А в поле вышла — музейный пастух Балда пасет игрушечных коров. Пришла в лес — мазинский

охотник среди березняка идет с собакой зайцев выслеживать. Далеко разбежались каргопольские мужички по Рогачевскому шоссе. Пустила игрушки жить и на портретах, и на натюрмортах. Несколько лет меня вдохновляла эта небывальщина, а когда накопилось всего много, стала думать о книжках для детей. Пусть посмотрят и полюбят всю эту красоту.

Я сделала четыре книжки: "Карусель", "Тройка", "Выбирай коня любого", "Пряники пекутся, коту в лапы не даются", а еще раньше альбом автолитографий по мотивам вятской игрушки "Гори, гори ярко". И наконец, в 1986 году в издательстве "Малыш" вышла моя итоговая книжка о народных игрушках "Тарарушки, тарарушки — это русские игрушки" с текстом А. Рогова о промыслах.

И "Тридесатое царство" в тех же старых русских городах найдешь, и лица героев сказок — нарисуешь все там же.

Под конец жизни занимаюсь больше живописью на бумаге. Сделала шесть детских книжек, пейзажных, из путешествий: "Стеклянный пруд", "Журавли", "Заячьи тропы", "Снег", "Бабочки", "Жеребенок".

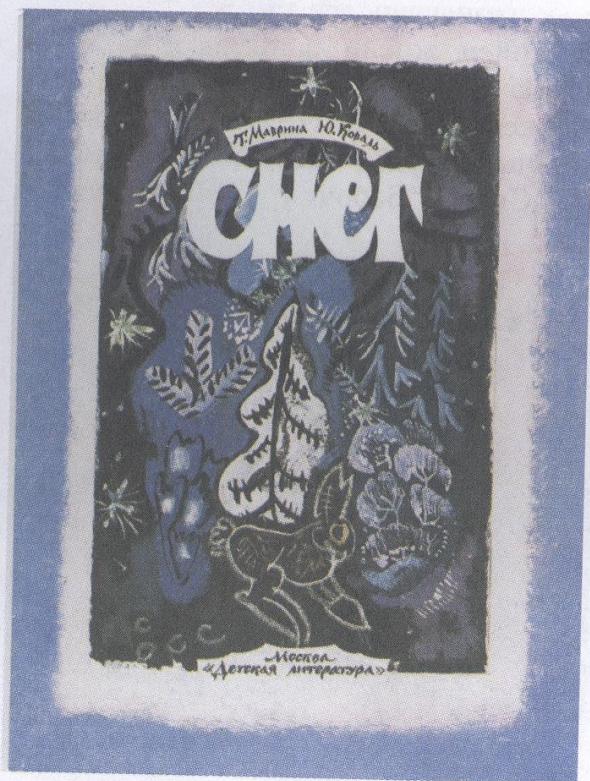

Юрий КОВАЛЬ

МОНОХРОНИКИ

1982*

Вновь я посетил Татьяну Алексеевну Маврину, мы стали работать над четвертой нашей общей книжкой под названием «Снег». Буквицы, ею нарисованные и вклеенные мной в «Монохроники», остались от третьей нашей книжки — «Журавли».

Юрий Коваль
Фото Н. Кочнева

— Нет, тот пофорзацней, а этот как резать? У меня много форзацных, а резать будем по кусту. А что делать с воронами, возьмем их или нет? Сороки у нас были, а ворон не было. А грачей в конец. Так-так, лося взяли — нужен иней.

— Татьяна Алексеевна, хочу солнце.

— У меня много зимних солнц. Вот зеленое, вот желтое.

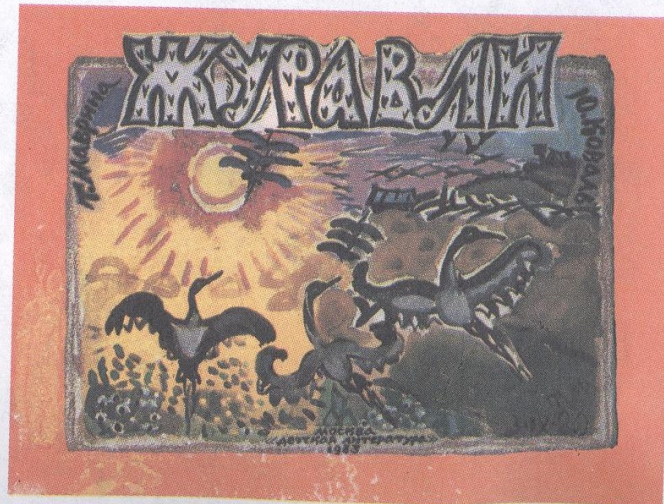
— Нет, я хочу то.

— Давайте собак. Вот собаки. Одну в профиль, другую — фас.

Часа три подряд работали мы с Татьяной Алексеевной. Разговор у нас был примерно такой.

— Этот рисунок очень форзацный. Возьмем его.

— А может, этот?

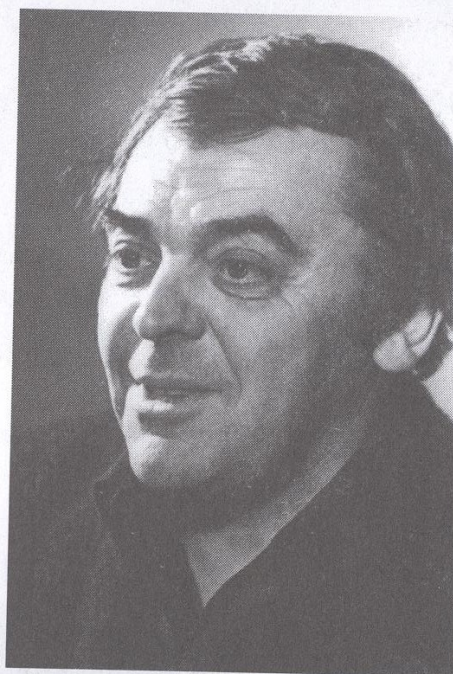
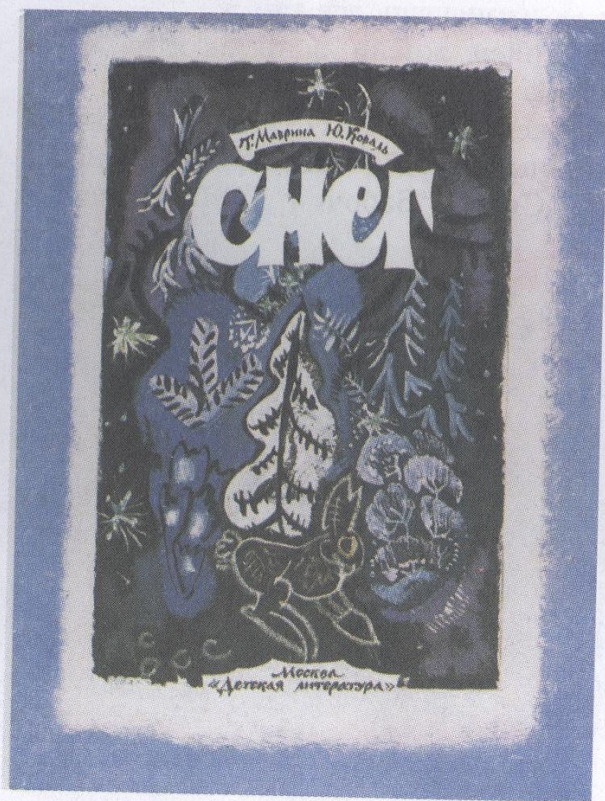
*Отрывок из публикации в журнале "ДЛ" № 1—2, 2001.

Юрий КОВАЛЬ

МОНОХРОНИКИ

1982*

Вновь я посетил Татьяну Алексеевну Маврину, мы стали работать над четвертой нашей общей книжкой под названием «Снег». Буквицы, ею нарисованные и вклеенные мной в «Монохроники», остались от третьей нашей книжки — «Журавли».

Юрий Коваль
Фото Н. Кочнева

— Нет, тот пофорзацней, а этот как резать? У меня много форзацных, а резать будем по кусту. А что делать с воронами, возьмем их или нет? Сороки у нас были, а ворон не было. А грачей в конец. Так-так, лося взяли — нужен иней.

— Татьяна Алексеевна, хочу солнце.

— У меня много зимних солнц. Вот зеленое, вот желтое.

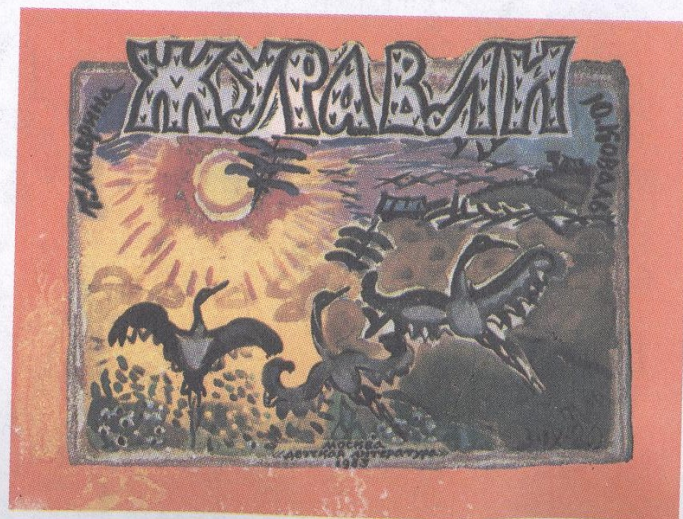
— Нет, я хочу то.

— Давайте собак. Вот собаки. Одну в профиль, другую — фас.

Часа три подряд работали мы с Татьяной Алексеевной. Разговор у нас был примерно такой.

— Этот рисунок очень форзацный. Возьмем его.

— А может, этот?

*Отрывок из публикации в журнале "ДЛ" № 1—2, 2001.

- Фас — это науськивание.
- Черт с ним, возьмем двух собак.
- У нас два деда, две бабки и еще будут две собаки?
- Собака одна и та же, только с двух ракурсов. Хотите козу?
- Коза была в «Журавлях». Возьмем вот эти звезды. Это — Орион?
- Орион-то Орион. Но Орион у нас был в «Заячьих тропах», и тут церковь, а церковь нам не разрешат.
- Наплевать, мы сделаем вид, что это сказочный город, а надпись «Суздаль» заклеим.
- Берем. Сделаем центральный разворот. Теперь вот еще бабка.
- Хватит бабок, две уже есть. Надо бы толстую молодку.
- Молодок сколько угодно, но они так все противно одеваются. Вот, например.
- Нет, нет, здесь красные сапоги резиновые, не надо.
- У меня все молодки в красных сапогах. А вот — кабан. Хотите кабана?
- Он — невнятный.
- Так он пробежал очень быстро, я еле успела нарисовать. А вот снова лось. Давайте назовем рассказ «Лось, уйди», и этих охотников возьмем к нему...

1983

С Татьяной Алексеевной Мавриной работаем мы давно, я привык к ней, и все ж порой она меня удивляет. Звонит:

- — Юра, надо убрать из рассказов «ангел мой».
- Помилуйте, Татьяна Алексеевна, зачем?
- А вдруг какой-нибудь читатель напишет письмо, что мы с вами ангелов пропагандируем. Вот и зарубят нашу книжку.
- Не знаю, Татьяна Алексеевна, пускай пишут, что угодно, а я не уберу.
- Так ведь надо убрать.
- Ни за что. «Ангел мой» создает особое качество, окрашивает речь.
- Ничего не окрашивает, а надо убрать.
- Спорили мы спорили, ни до чего не dospорили. В конце концов кой-где убрали, а кой-где оставили.

С Татьяной Алексеевной начали мы работу над новой книжкой (четвертой). Она называется «Снег». Буду писать ее в Ялте.

Как только явилась в зимнем воздухе весенняя дымка, стал я собираться на этюды.

Поехал в Звенигород, поехал в Боровск. Пытался что-то рисовать, да не было в руках уверенности и счастья.

А в воздухе зимнем явилась уже весна, и я все ездил на этюды, надеясь, что хоть малый признак весны обнаружится в моих рисунках.

Татьяна Маврина, Юрий Коваль

Паша и бабочки

ил на свете такой человек, на которого бабочки слетались. Звали его Паша. Пойдет Паша гулять, а бабочки вокруг него вьются, на макушку садятся, шепчут в оба уха:

— Па-ша, Па-ша...

— Ну, чего? — Паша говорит. — Тут я, тут...

Вот раз решил Паша отправиться в далекое путешествие. Сделал себе очень большой бутерброд — такой бутербродик на пару дней — и пошел.

Сказал на прощанье друзьям:

— Пока бутерброд не съем — домой не вернуся.

Ушел с бутербродом и — пропал.

К вечеру вся деревня голосила:

— Паша, Паша!

Пропал Паша, и никак не найдешь.

Вдруг увидела деревня, что в одном месте у реки, над травой, бабочки особенно кружатся, прибежали — и верно: Паша в траве спит, а рядом с ним в тряпочке еще полбутерброда спит.

Взяли Пашу на руки, домой понесли, а бабочки над ним выются, на макушку садятся, шепчут в оба уха:

— Па-ша, Па-ша...

